

Н. Шильдер. Прощание ополченцев.

На программу «Культурная революция»?

Дрянь, дрянь, дрянь наш человек без родного мироощущения. В этом смысле православие – память о брэнности, покаяние, готовность признать свою оплошность, невзирая на репутацию и этикет, способность простить другого, обнять, смириться. Этика. Чувство просторов. Внутренняя мелодика. Бычьи цепи, бычьи хари, бычьи мышки – главная космическая катастрофа.

Лишенная, пусть во многом фальшивой, но для большинства ва весомой душевной центра-

лизации, Россия заполняется «лихими людьми». Если мы утратим генотип, станем бессловесной, нечуткой, звериной территорией, какой к черту рост ВВП? Об этом просил передать вам поэт Кантемир, еретично вызванный путем спиритического сеанса.

Всякий, кто не покидает искусство, прозу, живопись, критику, подобен бойцу.

А официозная полуночная трансляция пасхального богослужения – в розово-малиновых тонах – подобна «клубничке», которой обычно потчуют с экрана в то же время. ■

дешь листиком. / Полетишь над российской пустошью, / над церквушкой с зеленой луковкой, / а когда повезет – опустишься / на такую же кепку с пуговкой».

Екатерина Ефимова. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. – М.: ОГИ, 2004, 398 с. (Нация и культура). ISBN 5-94282-105-4

От сумы и от тюрьмы не зарекайтесь. А лучше – исследуйте. Быт и мифологию, субкультуру и фольклор. Символы и ритуалы. Предания, рассказы, былички, дразнилки, загадки, альбомы, татуировки, приколы, сказы, проклятия, письма, открытки, марочки, враки, анекдоты – всего не перечислить.

Необъятный мир, со своими правилами и законами, своей иерархией и поэтикой. «После одного в тюрьму. Дали пятнадцать лет. Загадали ему загадку. «Отгадаешь три части на женском теле, которые состоят из трех букв, начинаются и кончаются на ту же букву, за каждое слово по пять лет скостим». Он угадал два: око и пуп. А третье не угадал. Ему десять лет скинули, пятеру отсидел. Ну, выходит, в первую ночь жена раздевается, он говорит: «Господи, а я из-за этого пять лет сидел». Какое третье слово?»

Правильный ответ – в книге. На стр. 159. А еще там – множество иллюстраций, в приложении – образцы письменного и устного фольклора, интервью с заключенными.

Александр Филимонов. Состояние души: Проза. Из рабочих тетрадей. Профиль на стене. Воспоминания об Александре Филимонове.

– М.: Пик, 2004, 448 с. ISBN 5-7358-0279-8
Александр Филимонов (1957–2003) – писатель, родом из Челябинска. Работал в журнале «Октябрь» и в Литинституте, лауреат Премии имени Бориса Полевого. Писал тонкую лирическую прозу, чистую и грустную. Книгу составили коллеги. В ней, помимо двух повестей и нескольких рассказов, помещены также воспоминания о писателе и фрагменты «рабочих тетрадей»: «Ну что, потеряла пуговицу? А я предрекал!», «Даже Джоконда в наше время улыбается весьма нагло, словно провернула сделку», «Маня! Приезжай. Я тут упаковку «Виагры» купил. Надо опробовать. Только до тебя дозвонился», «Как это сложно – выпить целую бутылку водки! Сколько передумаешь, почувствуешь, перестрадаешь! И как ужасен результат!» Смешно, остроумно, а ощущение грусти не проходит.

Смешно, остроумно, а ощущение грусти не проходит.

Алексей Венгеров, Сергей Венгеров. В некотором царстве... Библиохроника 1550–1975 гг.

М.: Русский раритет, 2004, 422 с.
Кожаный переплет с тиснением. Толстая мелованная бумага. Качественная печать. Тираж – 500 пронумерованных экземпляров (не для продажи).

Это книга так же уникальна, как и коллекция, на основе которой она создана. Авторы – московский библиофил Алексей Венгеров и его сын. Среди соавторов – знаменитые московские букинисты и книжники. Открывается «Записками о Московии» Сигизмунда Герберштейна (издание 1550 г.). Заканчивается «Евгением Онегиным» с иллюстрациями графика Николая Кузьмина (1975 г.). В промежутке – пять веков «Россики».

Это книга о книгах. Точнее даже, книга об отдельных книжных экземплярах, потому что авторов интересуют только тома, находящиеся в отличном состоянии, а история переплетного дела увлекает их больше истории русской словесности.

Описаны около 200 редкостей и уникамов, причем даны фотографии обложек и избранные иллюстрации из упомянутых томов. Увы, плод многолетнего труда коллекционера Алексея Венгерова пока что недоступен широкому читателю. Малый тираж предполагает, что познакомиться с этой книгой студент-полиграфист или дизайнер сможет только в библиотеке.

НГ Ex Libris (прил. к Независимой) – 2004. – 8 апр. – с. 1-2

От Олеси и Зощенко до Пелевина и Сорокина

Никита Богословский: «Литературой я начал заниматься еще в школьные времена»

В минувшие выходные пришла печальная весть. В ночь с 3 на 4 апреля на 91-м году жизни скончался Никита Богословский. Случилось так, что незадолго до кончины с композитором встретился писатель Юрий Кувалдин – для разговора о литературных занятиях Богословского. Интервью оказалось последним.

– То, что вы выдающийся композитор, Никита Владимирович, известно всем. Достаточно назвать только песню «Темная ночь». Но мне интересно, почему вы вдруг стали писателем?

– Писать музыку и литературные произведения я начал практически одновременно. Первым моим музыкальным сочинением был вальс, написанный в 8-летнем возрасте и посвященный дню рождения дочери Леонида Осиповича Утесова. Первую свою оперетту «Как ее зовут» я написал в 15 лет. Ее поставили в ленинградском Клубе печатников, а затем перенесли на профессиональную сцену Театра музыкальной комедии. Билетерша долго не хотела пускать меня, юного, в театр и предлагала прийти с ма-

мой в воскресенье на утренний спектакль. Еще подростком я брал уроки у выдающегося композитора Александра Глазунова. В 21 год я вольнослушателем окончил Ленинградскую консерваторию. Свою первую песню «Письмо в Москву» я написал для песенного конкурса... и забыл о ней. Приехав однажды в Москву я увидел в афише Сергея Лемешева свою песню. Тогда мне было 18 лет. Должен вам,

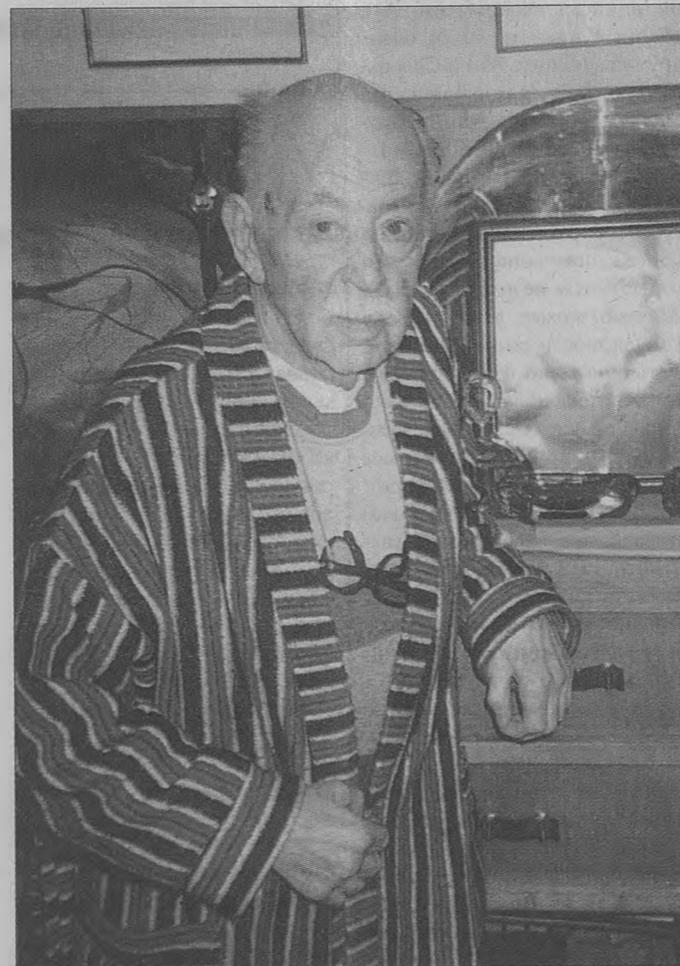
У меня такое подозрение, что «Ни дня без строчки» Олеса написал за одну неделю

Юрий Александрович, сказать, что я литературой начал заниматься еще в школьные времена, и потом, в молодые годы, когда еще жил на своей родине, в Ленинграде, тогда еще в Петрограде, я печатал в газете «Смена», молодежной газете, стихотворные и прозаические фельетоны на различные те-

мы. И оттуда пошло как-то мое увлечение литературой, после чего я начал печататься потихоньку в газетах, а потом у меня вышли две книги, два романа, один – про композиторов, который назывался «Завещание Глинки», и персонажи этого романа в большей степени перестали со мной здороваться, несмотря на то что я всячески их «загримировал», они по своим характерам и деятельности в общем себя узнали. И

второй роман – «Интересное кино» – про кинематографистов, с которыми произошло то же самое.

В детские годы, в юношеские, в молодости круг чтения у меня был достаточно широк, но если говорить по авторам, то я очень любил человека, с которым я не могу сказать что

Никита Богословский до последнего дня был в творческой форме. Фото автора

дружил, потому что была значительная разница в возрасте, но был в очень хороших отношениях. Это Михаил Михайлович Зощенко. У меня есть полное собрание его сочинений. Сейчас, между прочим, могу вам показать одну книгу, которая, может быть, является уникальной. (Никита Владимирович достает с одной из полок стеллажа книгу среднего формата в старом изящном переплете. – Ю.К.) Так, читаю надпись на книге Михаила Зощенко «Возвращенная молодость»: «Дорогому Никите Богословскому сердечно любящий Вас М.Зощенко. 13 июля 1954 года. Ленинград». Самое занятное, что я совсем недавно, на днях, перелистывая эту книгу, нашел вот такую надпись зощенковскую: «О, мои грустные опыты! И зачем я захотел все знать! Вот теперь я не умру так спокойно, как надеялся». И помимо тех двух романов, о которых я вам сказал, у меня вышло три или четыре книжки юмора, собранного из того, что я печатал в периодике в свое время, в частности туда, в эти книжки, вошли мои «Заметки на полях шляпы...», которые я писал, **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2**